

тяжела и малоэффективна как для медицинских работников, так и для специалистов социальных служб, поскольку неизбежно они оказываются перед кругом проблем, выходящих за рамки их профессиональной компетенции и препятствующих успешной узкопрофессиональной деятельности.

К таким контингентам относятся длительно, часто и тяжело болеющие, социально дезадаптированные лица, инвалиды, одинокие престарелые, дети-сироты, юные матери, многодетные и асоциальные семьи, пострадавшие от стихийных бедствий, больные СПИД и др. Численность таких контингентов устойчиво возрастает на протяжении последних лет.

В заключение необходимо отметить, что социальная работа – это «специфический вид профессиональной деятельности, оказание государственного и негосударственного содействия человеку с целью обеспечения культурного, социального и материального уровня его жизни, предоставление индивидуальной помощи человеку, семье или группе лиц». Кроме этого, социальная работа – универсальный социальный институт: ее носители оказывают помощь всем индивидам независимо от социального статуса, национальности, религии, расы, пола, возраста и иных обстоятельств. Единственный критерий в этом вопросе – потребность в помощи и невозможность своими силами справиться с жизненным затруднением.

*В.М.Князев*

### **КОМПЕТЕНЦИИ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО КОММУНИКАТИВНОГО ОБЩЕСТВА (МЕТОДОЛОГИЯ ПРОБЛЕМЫ)**

Мы живем в эпоху стремительных и основательных перемен. Изменения в социокультурном развитии общества бросает всем нам вызов, на который мы, как зависимые от жизни социума существа, не можем не отвечать. Предполагается, что наиболее адаптивной формой ответа на современный цивилизационный вызов времени, является своевременность ответа («промедление смерти подобно») и адекватная по содержанию вызовам современной цивилизации разумность человека (прежний тип рациональности в силу своей неадекватности

должен уступить новому типу рациональности). Разум человека, а, следовательно, и сам человек должны кардинально измениться.

С точки зрения своевременности – разум человека должен быть оперативным, ситуативно-пластичным, прагматически конструктивным – быть хорошим инструментом в «самоинструментализации», в «самоделании» человека. С точки зрения цивилизованности («добродетели корректного взаимного обхождения граждан»), когда большое количество граждан демонстрируют качество корректности (Zivilitet) своего поведения, – это привитие разуму человека методом обучения когнитивных установок, которые дадут человеку эпистемологические и моральные компетенции для успешной жизни в цивилизованном обществе.

Компетенции – мера освоения разумом человека новой эпистемологической рациональности (рациональности трансцендентальных кодов языка). Толерантность – это добровольно взятая на себя моральная добродетель терпимости человека к мыслям и поведению Другого человека, на основе ментального единства людей, на основе интересубъективности их сознания.

Таким образом, и компетенции, и толерантность, как две этически окрашенные добродетели человеческого разума рождены к жизни проблемой интересубъективности человеческого сознания. Интересубъективность, проблема Другого – вот, что заставляет нас изменяться по линии компетенции и толерантности. Проблема интересубъективности поставлена самой жизнью – это и есть вызов времени, на который мы должны ответить. Поэтому ответим на вопрос: что значит интересубъективность фундирована ходом самой жизни?

Во внутреннее пространство нашего субъективного мира вошел объективный мир другого человека. Иллюзия солипсизма, независимости человеческого Я от Мы, Они, Оно и Ты исчезла с поля нашего виденья как утренний туман под лучами восходящего Солнца. Мы убедились на своем повседневном опыте, что некорректно рассматривать действие своего сознания в мифологии гносеологического Робинзона. Сказание о Робинзоне – это романтический миф времен первоначального накопления капитала. Сейчас мы живем в условиях развитого капитализма. Живем в условиях динамического общества, которое стремительно меняется под воздействием мобильности его демократического устройства, который меняется многоаспектно, многооб-

разно под воздействием фактора мультикультуры (крупные города стали явю Нового Вавилона, где смешение языков, культур). Мы живем в условиях радикальной переоценки ценностей. Качество любой ценности нивелировано до бескачественности количества. Количественный эквивалент денег заговорил языком диктатора и вынес приговор ценностным устремлениям человека: все покупается, все продается. В мире денег человек должен исчезнуть и превратиться в дисконт-карту, в штрих-код для программы финансового оборота капитала. Знание как устойчивое соответствие нашего субъективного образа предметности объективного мира заменяется ситуативностью, прагматичностью информационного различения. Гносеология фундированного опытом исторической практики, порядком логической дисциплины уступает место эпистемологии с ее искусством самоинструментализации разума на основе операционального различения.

Вся эта гамма радикальных изменений материализуется в реальном изменении социального времени и пространства, в реальном изменении социальной структуры общества, в стилистике и динамизме ее трансформации. Новые технологии средств коммуникации меняют характер взаимодействия, а, следовательно, и действия людей. А если нет действующего человека, то нет и привычного нам человека. Человек – это только момент, медиатор смысла в сетевом пространстве коммуникации. Социолог Н. Луман рассматривает общество и человека как момент коммуникации. Есть коммуникация как единство источника информации, самой информации и понимания, есть динамическое единство этих трех селективных процессов и есть производное от этого действия – автопоэтическая, самодеятельная жизнь общества. Суть лумановского взгляда на природу человека состоит в абсолютизации системного похода. Суть в подчеркивании приоритета отношения, а не носителя отношения. Задача системы (коммуникации) состоит не в том, чтобы образовать, воспитать всесторонне развитую личность человека, а создать человека-функцию, растворить человека, его деятельность в симулятивной деятельности коммуникативных процессов. Это вариант «матрицы», создание человека виртуального, живущего в семантике медиореальности, полностью оторванного от трансцендентной реальности действительного мира.

Есть другая точка зрения относительно коммуникационной реальности общества. Представители Франкфуртской школы К.-О.

Апель и Ю. Хабермас полагают, что разумный человек способен научно-технический потенциал современного коммуникационного общества взять под свой духовный контроль и употребить во имя человеческой свободы. Но чтобы овладеть силой научно-технической коммуникации, надо слиться с ней, понять ее и только после этого найти алгоритм властного управления ее мощью. Поэтому точка зрения Н. Лумана и точка зрения его оппонентов – это две позиции, два разных способа одного и того же действия по овладению преимуществами современной научно-технической цивилизации.

Гуманитарное знание современной России не в должной мере готово к пониманию этой проблемы. Экспертное сообщество, политехнологи современного российского либерального режима знают о том, что писал Н. Луман и его оппоненты и транслируют в форме образовательных реформ это знание на российскую общественность. Но российская общественность, живя в эпоху перемен, не может пока спокойно разобраться с вызовами времени и выработать к нему верное, разумное отношение.

Это не факт, что нам надо слепо копировать философию Франкфуртской школы, переодеть наш разум в модные одежды постмодернистской мысли. Но и игнорировать, и не знать азов этой мысли мы не можем, ибо это реальный духовный опыт освоения новой социокультурной реальности, с которой мы встретились практически и непосредственно.

На что в этой ситуации следует обратить внимание.

1. На моменты стратегии, не спешить быть очень своевременным. Самое своевременное – это действие Вечности – она никуда не спешит и никуда не опаздывает. Знание Традиции (знание духовных ценностей, исторической идентичности российских народов) – самое надежное и перспективное знание. Хотя мир рыночной экономики требует от нас активности индивидуализма, предприимчивости эгоистически заточенной воли предпринимателя, гедонизма потребителя, живущего под властью ненасытного вождения. И этот же мир в аспекте своего целостного бытия, в аспекте своего всеединства требует от каждого корректности в отношении другого. Бумеранг действия возвращается с такой же силой противодействия, закон воздаяния никому не дано отменить. Поэтому тактически действенный концепт «С волками жить – по волчий выть» уступает место стратегически вер-

ному суждению «С людьми жить – жить по человечески, по любви». Бескорыстные нравственной позиции наиболее прагматично в стратегической перспективе общественного развития. На энергетике зоологического индивидуализма далеко не уедешь в пространстве этической социальности. Ганс Селье показал, исследуя проблему стресса, что самое саногенное мышление – это мышление по алгоритму любви. Инстинкт животного знает это, а омраченный слепой страстью человеческий разум утверждает обратное. Ясно, что разум, опьяненный потребительством, есть глупость и социально опасная глупость.

В произведениях К.-О.Апеля и Ю.Хабермаса коммуникация трактуется как неограниченное никем пространство, доступное для каждого, коммуникативный разум не приемлет дискриминации, ограничения информационных прав человека. Язык, на котором мы говорим, открыт всем, любой человек на нем может говорить, если освоит его в совершенстве. Сетевое пространство коммуникации, трансцендентальный (априорный) опыты языка – это огромный потенциал для человеческого разума, новый горизонт наших интеллектуальных возможностей. Поэтому вопрос стоит о приобщении к этому ресурсу. О верной аксиологии в отношении информационного пространства. В этой новой аксиологии нов только предмет (коммуникационное общество), а энергетика, стилистика ценностного сознания осталась на уровне архаики. И это правильно, ибо ничего более эффективного, чем вдохновение веры в совершенство, стремление к идеалу не придумано человечеством. Интеллектуальное сообщество виртуозов интернет пространства, коммуникативных сетей, специалистов по базе данных величают обществом избранных, элитой. И мыслят, что именно эти люди дадут духовную энергию прогресса обществу современности.

2. Меняется тип рациональности. В борьбе архимодерна, модерна и постмодерна человек, общество обретают действительно новое мышление, новое умозрение на мир и на самих себя. В борьбе Востока и Запада обретается новое планетарное сознание современного глобального мира. Недостаток прежней рациональности видится в ее гносеологической робинзонаде, в ее субъектно-объектном горизонте, в нечувствовании субъектно-субъектного уровня, в эгоизме «европоцентризма», который не позволяет видеть мудрости Востока.

Философия сознания дала критику теологического сознания и позволила избавиться от сильной посылки, что Мировой разум определяет наше мышление, от посылки Р.Декарта, что очевидности индивидуального разума определяют наше сознание. Но эта философия так и не вышла из рамок методологии солипсизма, суть которого в том, что субъект познает мир в рамках субъектно-объектного отношения. При этом подразумевается, что познание совершается всеми одинаково и исходит из перспективы некоего «абсолютного сознания». Такой тренд познания игнорирует социальный, культурный контекст познания, не впускает процесс познания Другого как участника процесса познания и равноправного участника диалога.

Фигура «алтер-эго» всегда вводится в эти построения искусственно. Философия сознания не позволяет найти удовлетворительное объяснение процессу обмена знаниями. Она не учитывает, что раскрытие предмета совершается в диалоге о нем, в межсубъектной интерпретации предмета. Солипсизм может быть преодолен, если включить в перспективу познания язык как важнейший посредник при познании и интерпретации предмета, а формулу познания расширить: субъект-знак-предмет. «X объясняет Y для Z». То есть трехчленное отношение предмет-знак-интерпретатор может быть понято, исходя из предположения, воображения экрана сознания, с которого говорит языковое Ты (Собеседник культуры).

Язык – жизненно-адаптивная форма освоения человеком мира, его разумное тело, его «алтер-эго» – аналоговое сознание, Божественное Ты, с которым человек советуется в вопросах понимания реальности. Язык – реально-историческая взаимосвязь, из пут которой ее участники не могут освободиться и язык – это способ, среда идеальной коммуникации и понимания людей. Язык – это актуализация родовой сущности человека. Язык выполняет роль медузы, связывая мир повседневности с миром идеала, мир субъектности с миром интересубъектности. Язык – органон познания, средства формулирования результатов познания и их сообщения партнерам коммуникации. Язык – основа всех форм, институтов в обществе.

Философ языка Л.Витгенштейн видел, что благодаря языку общезначимость синтетических суждений, интересубъективность знания достигается благодаря семантике, синтаксиса через протокольные, атомарные суждения. И он же в поздний период своего творчества

пишет об языковых играх – всякое понимание смысла предполагает участие в игре. Игрок желает слушать и понимать – это предполагает единство трансцендентальной игры.

Язык жизни, обыденный язык наиболее подходит для игры словами, смыслами слов. Трансцендентальность языка как всеобщность, универсальность понятий сталкивается с фактом обыденного языка – языка повседневной жизни, на котором говорят люди. Выяснилось, что установление базовых предложений науки предполагает существование конвенций, устанавливаемых учеными как субъектами науки, интерпретирующим формальный язык науки в обыденном языке.

Всякое понимание смысла предполагает собственное участие в языковой игре. Необходимость понимать заставляет нас войти в пространство коммуникации, заставляет нас мыслить интерсубъективно, заставляет нас переосмыслить основы «философию сознания», теоретическое положение И.Канта о «трансцендентальной апперцепции», на котором и держится вся философия сознания.

Кантовский вопрос об условиях возможности и значимости научного познания стал вопросом о возможности интерсубъективного взаимопонимания относительно смысла истинности предложений. Трансцендентальный синтез апперцепции заменяется принципом «единством консестивности» знания в смысле «семиотического единства согласованной интерпретации». Вопрос Канта: как возможны априорные синтетические суждения? – они возможны благодаря высшему, совершенному единству разума, благодаря трансцендентальному синтезу апперцепции, которое дает объективное единство представлений в сознании Я о мире – контекст разумного смысла для любого разумного утверждения. Этот вопрос в коммуникативной рациональности языка получает другой ответ. Благодаря «единству консестивности» знания в смысле «семиотического единства согласованной интерпретации», благодаря которому достигается единство семантической согласованности интерсубъективно значимых описаний мира посредством знаков. Истины науки символизируют полное согласие, консенсус ученых.

В основе философии языка должен лежать анализ речевых актов. Язык как лингвистический феномен – важнейший метод познания действительности, смысл философского и эстетического познания действительности определяется конгруэнтностью артыбитию культуры.

«Все стало языком. К чему это ведет? Когда секс, язык бессознательного либидо стал всеобщим языком, то это полностью уничтожило невинность секса и чувство вины того, кто занимается сексом. Пришло время сексуальной революции. Семiotика стала языком многих, все занимаются деконструкцией понятий, лишая разум через произвол различения, видеть различие между территорией и картой, между хорошей картой реальности и плохой. Сегодня нам всем следует признать, что мы взрослые «означающие, всегда участвующие в семiotической деятельности. Не нужно паниковать: мы уже в ней – здесь и сейчас. Поэтому я предложил бы то же, что и Зигмунд Фрейд старушке Вене: “Прилягте на диван и расслабьтесь. Я здесь, рядом. И я вам помогу”» [1, с. 242].

На этой оптимистической ноте мы остановим разговор о новом типе рациональности – о коммуникативно-языковой рациональности. Мы уже в ней, в ее власти. Наша задача в этой ситуации достичь собственной свободы как осознанной необходимости. А чтобы это сделать верно, обозначим третий момент нашего отношения к коммуникативной реальности современного общества.

3. Это выбор верной позиции наблюдателя в ситуации плюралистического, демократического общества с его мультикультурным гражданами. Мы полагаем, что в этой ситуации следует встать на позиции постметафизического наблюдателя. Суть этой позиции обрисовал Ю. Хабермас: «Мировоззренческая поляризация между религиозными и секулярными лагерями, угрожающая сплоченности наших граждан служит предметом политической теории. Но, как только когнитивные предпосылки для условий функционирования гражданской солидарности попадают в наше поле зрения, анализ должен перейти на другой уровень. Эпистемологическую сторону имеет как становление рефлексивного религиозного сознания в эпоху модерна, так и рефлексивное преодоление секуляристского сознания. Уже обозначение обоих этих взаимодополнительных учебных процессов свидетельствует о дистанцированном описании с точки зрения постметафизического наблюдателя. Но с точки зрения участников, к которым принадлежит сам тот наблюдатель, спор остается открытым. Пункты спора ясны. С одной стороны, дискуссия ведется о правильном способе натурализации с самого начала интересубъективно сформулированного и руководящегося нормами духа. С другой стороны, этому соответствует



дискуссия о правильном понимании того когнитивного порыва, который отмечен возникновением мировых религий около середины первого дохристианского тысячелетия, – Ясперс говорит об “осевом времени”» [2, с. 12].

#### Библиографический список

1. *Брэдбери М.* Три эссе// Иностранная литература. 2002. № 12.
2. *Хабермас Ю.* Между натурализмом и религией. Философские статьи. М., 2011.

*К.В.Кузьмин*

#### **ОБ ИЗДАНИИ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ ПО ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ ЗА РУБЕЖОМ И В РОССИИ**

В 2011 г. увидело свет авторское учебное пособие «История социальной работы за рубежом и в России», изданное при поддержке Уральской государственной медицинской академии. В учебном пособии рассматриваются проблемы эволюции форм и средств социальной помощи и поддержки на материале всемирной и российской истории, показаны основные тенденции развития социальной работы, а также особенности и специфика в решении социальных проблем, которые присущи России. Учебное пособие охватывает временной промежуток с древнейших времен развития человеческой цивилизации до начала XXI в. и наступления современной постиндустриальной эпохи, характеристике которой уделяется особое внимание. Значительное место занимают также вопросы, связанные со становлением и развитием социально-медицинской помощи населению.

Учебное пособие рекомендовано к изданию Учебно-методическим советом УГМА (протокол № 4 от 23.03.2011 г.) и предназначено для студентов, обучающихся по направлению «Социальная работа» при изучении курса «История социальной работы», а также для студентов УГМА при изучении дисциплины по выбору цикла гуманитарных и социально-экономических выбора «История милосердия и благотворительности».

В настоящее время вопросам совершенствования социальной компетентности и социально-критического мышления в процессе под-